

Поэтические страницы

Ольга Троицкая

«Мы все войны шальные дети...»

*Я знаю, никакой моей вины
В том, что другие не пришли с войны,
В том, что они – кто старше, кто моложе –
Остались там, и не о том же речь,
Что я их мог, но не сумел сберечь, –
Речь не о том, но все же, все же, все же...*

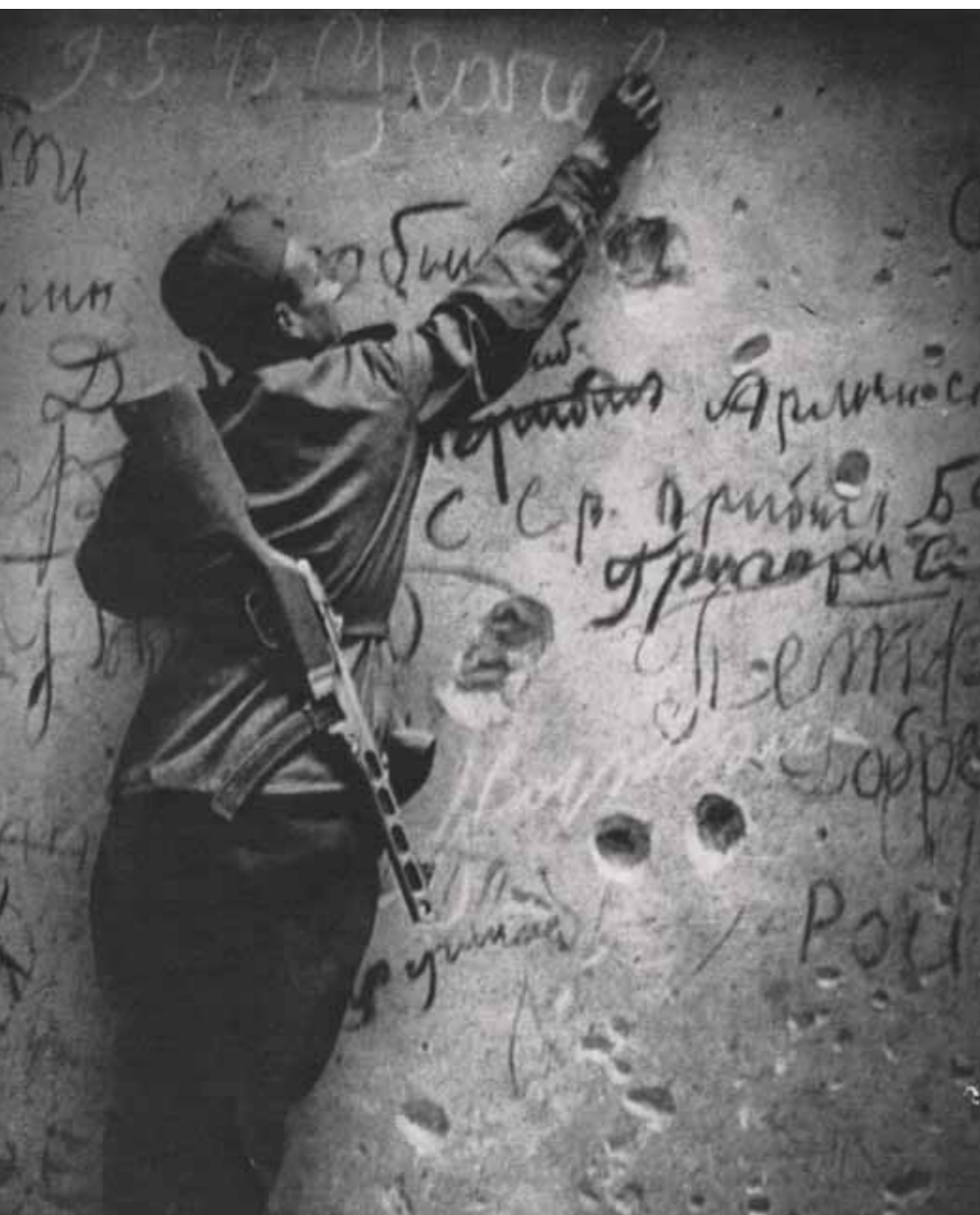
Александр Твардовский, 1966

Говорят, что те, кто пережил годы Великой Отечественной, выжил в ней и победил, долгое время ничего никому о том, что было там, не рассказывали. Отворачивались и молчали. А могли просто встать и уйти без ответа. Наверное, это в самом деле очень страшно – когда тебя призывают вновь окунуться в черно-белую гамму контраста кошмара и величия, которыми были заполнены эти три года десять месяцев и восемнадцать дней.

В 1945 году Юрий Левитанский написал:

*Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.*

*Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.*

Он тоже тогда хотел – забыть.
А батальонный санинструктор 18-ти лет отроду
Юлия Друнина в 1943 году признавалась:

*Я только раз видела рукопашный.
Раз – наяву и тысячу во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне.*

По большому счету, мы, рожденные после Победы, ничего не знаем о войне. Для обеспеченных миром в течение шестидесяти пяти лет современников (конечно, исключая локальные войны, но в них не участвует тотальное большинство), глядящих уже из XXI века – туда, в представлениях о войне все равно сформировалась некая киношная романтика. Может потому, что Великая Победа уже случилась, мы об этом знаем, это зна-

ние для нас неотъемлемо и составляет один из главных предметов исторической гордости.

А истина о войне, похоже, другая: «О, лучше, лучше было бы, если бы не было этого ленинградского героизма и мужества – этот героизм – ужас, уродство, бред. Но раз уж так получилось, раз уж так дико устроен мир, что приходится жить в этом бреде, то слава тем, кто в этом бреде обретает счастье и чувствует, что живет, и вдруг наслаждается жизнью! Это носители Жизни, это жизнь сама!» – пишет Ольга Берггольц о днях блокады. И это восклицание – «О, лучше, лучше было бы, если бы не было этого...», если убрать слово «ленинградский», применимо и к Великой Отечественной, и к любой войне вообще.

Одно из главных качеств настоящего поэта – сопереживание своему народу, другими словами, гражданское чувство. У тех стихотворцев это чувство, помноженное на опыт русской словесности, было развито в высочайшей степени. Все, что творилось в душах наших соотечественников, чудесным образом претворялось в поэзию военного времени, и стихи о войне, написанные после, приближают нас к ней намного бли-

же, чем кадры документального кино. Это тоже своего рода исторический архив, записанный в образах и размышлениях. В них воплотился призыв Маяковского: «Я б хотел, чтоб к штыку приравняли перо». Иные из этих стихов были острее штыка, многие звучали воззванием, на которое нельзя было не откликнуться: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой...» – и действительно, на бой поднялась вся страна – от Бреста до Камчатки.

Из когорты поэтов, ушедших на фронт, война забрала немало: погибли Павел Коган и Михаил Кульчицкий, Борис Смоленский, Николай Майоров, Николай Отрада, погиб молодой поэт Всеволод Багрицкий – сын Эдуарда Багрицкого, который ушел из жизни в 1934 году и не узнал об этом.

А Павел Антокольский пережил своего наследника, которому, возможно, суждено было стать

скульптором и художником. Его поэма «Сын» в 1946 году была удостоена Сталинской премии 2-й степени. Поэтический талант возвел историю недолгой жизни московского мальчика до той высокой трагической патетики, которая делает образ младшего лейтенанта Владимира Антокольского собирательным портретом всех восемнадцатилетних павших детей, обнажая чудовищную нелепость войны.

Все, что было написано в «сороковые, роковые», как назвал те годы Давид Самойлов, на фронте и в тылу, несет в себе парадокс будничности подвига, источником которой стало повседневное – поминутное! – терпение. «Но, побеждая, надо уметь ждать, негодую, ждать и терпеть», – написал незадолго до гибели Всеволод Багрицкий. Между боями продолжалась жизнь, с ее досугом, заботами о нехитром полевом житье-бытье и даже со своим военно-полевым романом...

Чем большие зверства фашисты творили на нашей земле, тем ярче разгорался в душах солдат-защитников священный огонь отмщенья. Этот огонь горел в фронтовых стихах, их клали на музыку – и рождались песни: «Вьется в тесной пещурке огонь...», «А мы с тобой, брат, из пехоты...», «Темная ночь...», «Дымилась роща под горою...», «Эх, дороги...», и – эхом, как постфактум войны: «В полях над Вислой сонной...», «Мне кажется порою, что солдаты...», «От героев былых времен...», «Я сегодня до зари встану...».

С импровизированных подмостков на фронтовых гастрелях их читали артисты. Поэма Александра Твардовского «Василий Теркин», о которой с похвалой отозвался Иван Бунин, глава за главой печаталась во фронтовых «Боевых листках» – о бойце Теркине спрашивали всерьез: в каком полку воюет?

В 1945 году отмщение свершилось. Это были дни великой радости и осознания невосполнимых утрат. Великолепное стихотворное воспоминание о днях Победы оставил Николай Тихонов. Он сравнил росчерки имен на рейхстаге с хором, который «звучнее всякого хорала»:

*Он пел, взлетая над огнем и кровью,
Перед войны поверженной лицом,
Как будто осеня изголовье
Последних умирающих бойцов.*

(«Надписи на стенах рейхстага», 1945 (?))

Отечественная война 1941–1945 годов останется в памяти списком не только тяжелейших утрат, но величайших духовных приобретений. Поэзия о войне после войны – ярчайшее тому свидетельство. Когда появилась возможность остано-

вить и оглянуться на пережитое из иного, мирного пространства, оказалось, что вернуться в довоенное время, лишь преодолев материальную разруху, – нельзя. Победа была завоевана, но явилась другая драма: война кончилась, но груз ее никуда не делся. Он остался в форме вопроса: «Как с этим жить?», а точнее – «Как жить без этого?»

Наставший мир необратимо разграничил всех на живых и мертвых, и трагедия расставания с павшими приобрела совершенно иное звучание. Глубокий смысл этой вечной разлуки точнее всего выразил Александр Твардовский. Он первым произнес вслух тяжелые слова о прощании навеки:

*В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.
(«В тот день, когда окончилась война», 1948)*

А потом начали уходить из жизни и те, кто принес миру эту Победу. Один за другим, и среди них – поэты Великой Отечественной, оставшиеся ее поэтами до самого конца. Те, чей талант война огранила особым образом, навсегда вписаны и в военную историю нашей Родины, и в историю отечественной литературы. Илья Сельвинский, Павел Антокольский, Михаил Исаковский, Евгений Винокуров, Ольга Берггольц, Юлия Друнина, Маргарита Алигер, Борис Слуцкий, Сергей Орлов, Сергей Наровчатов, Давид Самойлов, Вадим Шефнер, Ярослав Смеляков, Александр Межиров, Булат Окуджава, Расул Гамзатов, Михаил Дудин, многие другие, но пока с нами – Константин Ваншенкин и не видавший войны, зато хлебнувший тягот военного тыла Евгений Евтушенко...

Стихи о войне, все, начиная с 1941-го, – эпитафия павшим и манифест будущего Мира, живопись батальных сцен, прозрачная поэтика воспоминаний о кратких часах затишья и крепкая вера в Победу, миг которой непременно наступит. И Вечная память, о которой через два десятка лет Вадим Шефнер сказал:

*На нас до сих пор военные сны,
Как пулеметы, наведены.
<...>
И дышится трудно, и ночь длинна...
Камнем на сердце лежит война.
(«Военные сны»)*

...В майские дни 65-й годовщины Великой Победы на Арбате рядом с памятником Булату Окуджаве правнуки победителей пели его стихи: «Мы все войны шальные дети...»

СТИХИ О ВОЙНЕ

Константин Симонов (1915–1979)

* * *

Майор привез мальчишку на лафете.
Погибла мать. Сын не простился с ней.
За десять лет на том и этом свете
Ему зачтутся эти десять дней.

Его везли из крепости, из Бреста.
Был исцарапан пулями лафет.
Отцу казалось, что надежней места
Отныне в мире для ребенка нет.

Отец был ранен, и разбита пушка.
Привязанный к щиту, чтоб не упал,
Прижав к груди заснувшую игрушку,
Седой мальчишка на лафете спал.

Мы шли ему навстречу из России.
Проснувшись, он махал войскам рукой...
Ты говоришь, что есть еще другие,
Что я там был и мне пора домой...

Ты это горе знаешь понаслышке,
А нам оно оборвало сердца.
Кто раз увидел этого мальчишку,
Домой прийти не сможет до конца.

Я должен видеть теми же глазами,
Которыми я плакал там, в пыли,
Как тот мальчишка возвратится с нами
И поцелует горсть своей земли.

За все, чем мы с тобою дорожили,
Призвал нас к бою воинский закон.
Теперь мой дом не там, где прежде жили,
А там, где отнят у мальчишки он.

1941

Борис Костров¹ (1912–1945)

* * *

Пусть враг коварен –
Это не беда.
Преград не знает русская пехота.
Блестят штыки,
Грохочут поезда,
К победе рвутся вымпелы Балтфлота.
А в небе,

¹ Умер от ранения, полученного в боях в Восточной Пруссии.

Сделав круг и высоту
Набрав, вступают в бой орлы.
И сразу
Мы слышим сердца учащенный стук,
Но действуем – спокойно,
По приказу.

Мы знаем все,
Что нет таких врагов,
Чтоб волю русских склонить и
скомкать.
Мы – это мы.
Да будет наша кровь
Такой же чистой и в сердцах
потомков.

1941

Павел Коган² (1918–1942)

Лирическое отступление (из романа в стихах)

Есть в наших днях такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать ночью
О времени большевиков.
И будут жаловаться милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова –
Сажень кося, твердый шаг –
И верную найдут основу,
Но не сумеют так дышать,
Как мы дышали, как дружили,
Как жили мы, как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими, любимы,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек любили,
Ревнуя, мучаясь, горячась.
Мы были всякими. Но, мучась,
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы,
Они прикрасят и припудрят,
И все-таки пробьемся мы!
Но людям Родины единой,

Едва ли им дано понять,
Какая иногда рутина
Вела нас жить и умирать.
И пусть я покажусь им узким
И их всесветность оскорблю,
Я – патриот. Я воздух русский,
Я землю русскую люблю,
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахло на рассвете,
Чтоб дымный ветер на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я б сдох как пес от ностальгии
В любом кокосовом раю.
Но мы еще дойдем до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

1940–1941

Сергей Наровчатов (1919–1981)

В те годы

Я проходил, скрипя зубами, мимо
Сожженных сел, казненных городов,
По горестной, по русской, по родимой,
Завещанной от дедов и отцов.

Запоминал над деревнями пламя,
И ветер, разносивший жаркий прах,
И девушек, библейскими гвоздями
Распятых на райкомовских дверях.

И воронье кружилось без боязни,
И коршун рвал добычу на глазах,
И метил все бесчинства и все казни
Паучий извивающийся знак.

В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославну,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
– Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой мстью мстить мне за тебя?

1941

² Погиб под Новороссийском, ему было 24 года.

Ольга Берггольц (1910–1975)*(из поэмы «Февральский дневник»)*

1

Был день как день.
 Ко мне пришла подруга,
 не плача, рассказала, что вчера
 единственного схоронила друга,
 и мы молчали с нею до утра.
 <...>

3

Как мы в ту ночь молчали, как молчали...
 Но я должна, мне надо говорить
 с тобой, сестра по гневу и печали:
 прозрачны мысли и душа горит.

Уже страданиям нашим не найти
 ни меры, ни названья, ни сравнения.
 Но мы в конце тернистого пути
 и знаем – близок день освобождения.

Наверно, будет грозный этот день
 давно забытой радостью отмечен:
 наверное, огонь дадут везде,
 во все дома дадут, на целый вечер.

Двойною жизнью мы сейчас живем:
 в кольце, во мраке, в голоде, в печали
 мы дышим завтрашним,
 свободным, щедрым днем,
 мы этот день уже завоевали.

*Январь – февраль 1942***Анна Ахматова (1889–1966)****Мужество**

Мы знаем, что ныне лежит на весах
 И что совершается ныне.
 Час мужества пробил на наших часах,
 И мужество нас не покинет.
 Не страшно под пулями мертвыми лечь,
 Не горько остаться без крова, –
 И мы сохраним тебя, русская речь,
 Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
 И внукам дадим, и от плена спасем
 Навеки!

*23 февраля 1942***Михаил Кульчицкий³ (1919–1943)**

* * *

Мечтатель, фантазер, лентяй-завистник!
 Что? Пули в каску безопасней капель?
 И всадники проносятся со свистом
 вертящихся пропеллерами сабель.
 Я раньше думал: «лейтенант»
 звучит вот так: «Налейте нам!»
 И, зная топографию,
 он топает по гравию.

Война – совсем не фейерверк,
 а просто – трудная работа,
 когда,
 черна от пота,
 вверх
 скользит по пахоте пехота.
 Марш!

И глина в чавкающем топоте
 до мозга костей промерзших ног
 наворачивается на чеботы
 весом хлеба в месячный паек.
 На бойцах и пуговицы вроде
 чешуи тяжелых орденов.

Не до ордена.
 Была бы Родина
 с ежедневными Бородино.

*1942 (?)***Семен Гудзенко (1922–1953)****Товарищи**

*Бойцы из отряда Баженова прошли
 по тылам 120 км, неся раненого*

Можно вспомнить сейчас,
 отдышавшись и успокоясь.
 Не орут на дорогах немецкие патрули.
 По лесам непролазным
 и в озерах студёных по пояс
 мы товарища раненого несли.

Он был ранен в бою,
 на изрытом снарядами тракте...
 Мы несли его ночью,
 днели в лесу.

Он лежал на траве,
 не просил: «Пристрелите.
 Оставьте».

Он был твердо уверен –
 друзья донесут.

Стиснув зубы до боли,
 бинтовали кровавые раны.

Как забыть этот путь!

Он был так безысходно далек.

Голодали упрямо,
 но каждый в глубоких карманах

для него
 почерневший сахар берег.

Мы по рекам прошли,
 по нехоженным топким болотам.

Мы пробивались к своим
 и спасли драгоценную жизнь.

Это в битвах рожденный,
 пропитанный кровью и

потом,

самый истинный,
 самый русский
 гуманизм.

*1942***Борис Слуцкий (1919–1986)**

* * *

Последнюю усталостью устав,
 Предсмертным равнодушием охвачен,
 Большие руки вяло распластав,
 Лежит солдат.
 Он мог лежать иначе,
 Он мог лежать с женой в своей постели,
 Он мог не рвать намочший кровью мох,
 Он мог...
 Да мог ли? Будто? Неужели?
 Нет, он не мог.
 Ему военкомат повестки слал.
 С ним рядом офицеры шли, шагали.
 В тылу стучал машинкой трибунал.
 А если б не стучал, он мог?
 Едва ли.
 Он без повесток, он бы сам пошел.
 И не за страх – за совесть и за почесть.
 Лежит солдат – в крови лежит, в большой,
 А жаловаться ни на что не хочет.

Илья Сельвинский (1899–1968)**Тамань (отрывок)**

<...>

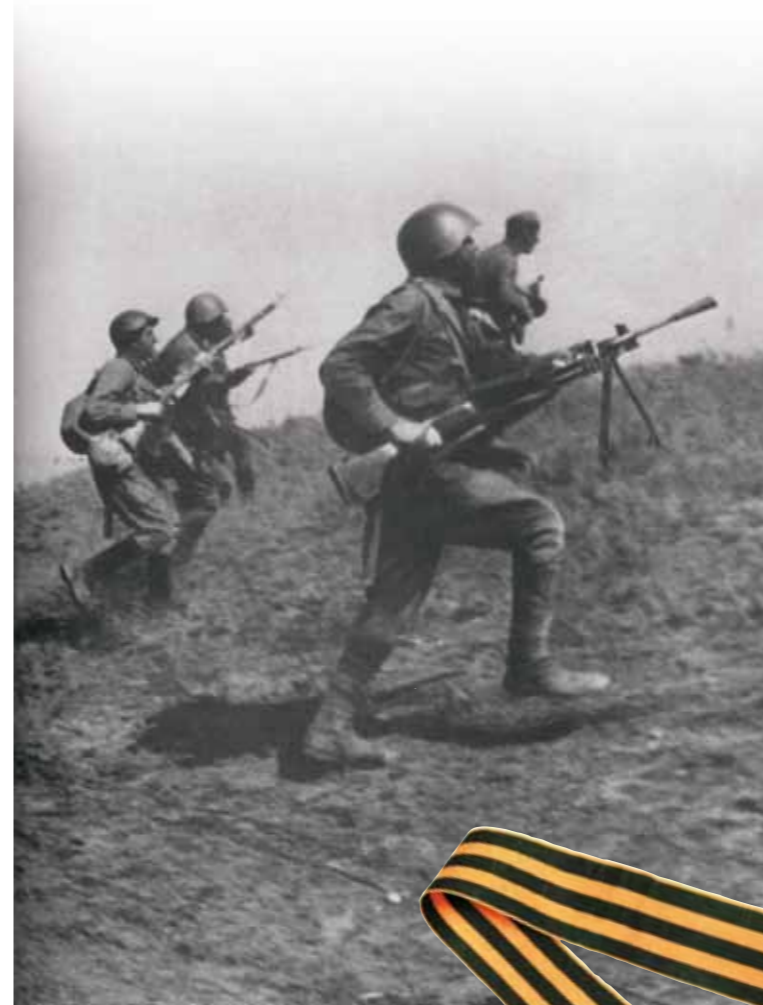
Тамань моя, Тамань моя, форпост моей страны!
 Я полюбил в тебе уклад батальной старины,
 Я полюбил твой ветерок военно-полевой,
 Твои гортанные ручьи и гордый говор твой.
 Кавалерийская земля! Тебя не полонить,
 Хоть и бомбежкой распахать, пехотой оборонить.
 Чужое знамя над тобой, чужая речь в дому,
 Но знает враг:

никогда

не сдашься ты ему.

Тамань моя, Тамань моя! Весенней кутерьмой
 Не рвется стриж с такой тоской издалека домой,
 С какою тянутся к тебе через огонь и сны
 Твои казацкие полки, кубанские сыны.

Мы отстоим тебя, Тамань, за то, что ты века
 Стояла грудью боевой у русского древка;
 За то, что, где бы ни дралось, развеяв чубовье,
 Всегда мечтало о тебе казачество твое;
 За этот дом, за этот сад, за море во дворе,

³ Погиб под селом Трёмбачёво Луганской области. Фронтовых стихов почти не сохранилось.

За красный парус на заре, за чаек в серебре,
За смех казачек молодых, за эти песни их,
За то, что Лермонтов бродил на берегах твоих.
1943

Павел Антокольский⁴ (1896–1978)

(глава из поэмы «Сын»)

Ты будешь долго рыться в черном пепле.
Не день, не год, не годы, а века.
Пока глаза сухие не ослепли,
Пока окостеневшая рука
Не вывела строки своей последней –
Смотри в его любимые черты.
Не сын тебе, а ты ему наследник.
Вы поменялись местом, он и ты.

Со всей Москвой ты делишь траур. В окнах
Ни лампы, ни коптилки. Но и мгла,
От стольких слез и стольких стуж продрогнув,
Тебе своим вниманьем помогла.
Что помнится ей? Рельсы, рельсы, рельсы.
Столбы, опять летящие столбы.
Дрожащие под ветром погорельцы.
Шрапнельный визг. Железный гул судьбы.

Так, значит, мщенье? Мщенье. Так и надо,
Чтоб сердце сына смерть переросло.
Пускай оно ворвется в канонаду,
Есть у сердец такое ремесло.
И если в тучах небо фронтовое,
И если над землей летит весна,
То на земле вас будет вечно двое –
Сын и отец, не знающие сна.
Нет права у тебя ни на какую
Особую, отдельную тоску.
Пускай, последним козырем рискуя,
Она в упор приставлена к виску.
Не обольщайся. Разве это выход?
Всей юностью оборванной своей
Не ищет сын поблажек или выгод
И в бой зовет миллионы сыновей.
И в том бою, в строю неистребимом,
Любимые чужие сыновья
Идут на смену сыновьям любимым
Во имя правды, большей, чем твоя.

Октябрь, 1943

⁴ Сын поэта и переводчика Павла Антокольского, Владимир, погиб на Орловщине, у деревни Суся, в 1942 году. Ему было восемнадцать лет.

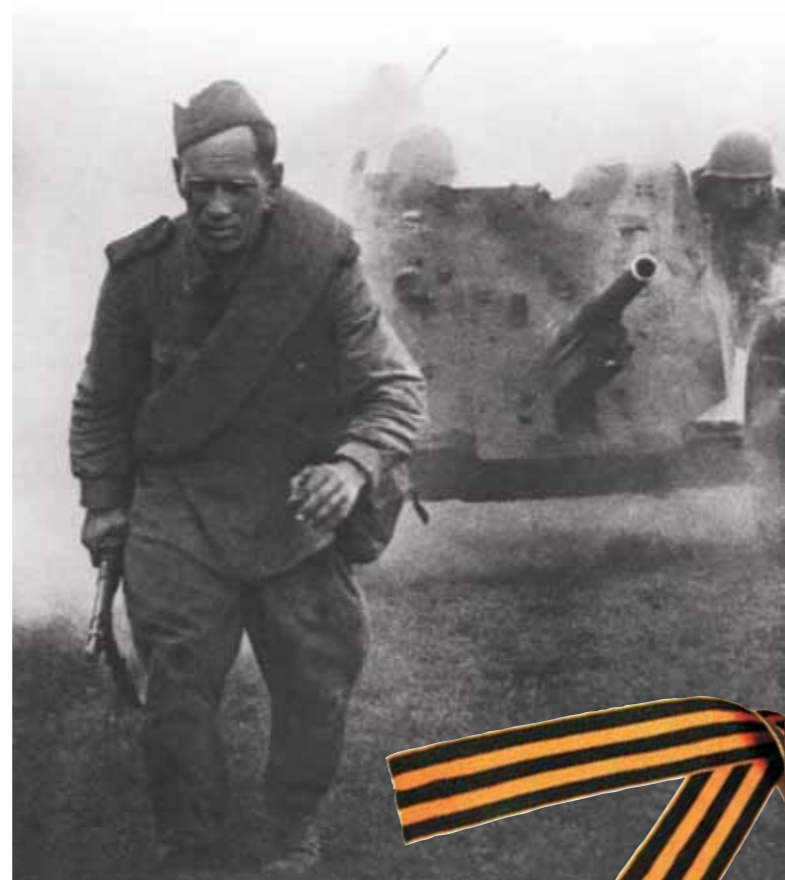
⁵ Погиб 26 февраля 1942 года в деревне Дубовик Ленинградской области.

Всеволод Багрицкий⁵ (1922–1942)

Ожидание

Мы двое суток лежали в снегу.
Никто не сказал: «Замерз, не могу».
Видели мы – и вскипала кровь –
Немцы сидели у жарких костров.
Но, побеждая, надо уметь
Ждать, негодуя, ждать и терпеть.
По черным деревьям всходил рассвет,
По черным деревьям спускалась мгла...
Но тихо лежи, раз приказа нет,
Минута боя еще не пришла.
Слышали (таял снег в кулаке)
Чужие слова, на чужом языке.
Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, коль дома сын,
Звезды февральские пересчитал.
Ракета всплывает и сумрак рвет.
Теперь не жди, товарищ! Вперед!
Мы окружили их блиндажи,
Мы половину взяли живьем...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твое.
Кончился бой. Теперь отдохнуть,
Ответить на письма... И снова в путь!

1942

Иосиф Уткин⁶ (1903–1944)

Затишье

Он душу младую в объятиях нес...
М.Ю. Лермонтов

Над землянкой в синей бездне
И покой и тишина.
Орденами всех созвездий
Ночь бойца награждена.

Голосок на левом фланге.
То ли девушка поет,
То ли лермонтовский ангел
Продолжает свой полет.

Вслед за песней выстрел треснет –
Звук оборванной струны.
Это выстрелят по песне
С той, немецкой стороны.

Голосок на левом фланге
Оборвется, смолкнет вдруг...
Будто лермонтовский ангел
Душу выронит из рук...

1943

Юлия Друнина (1924–1991)

* * *

Я родом не из детства – из войны.
И потому, наверное, дороже,
Чем ты, ценю я радость тишины
И каждый новый день, что мною прожит.

Я родом не из детства – из войны.
Раз, пробираясь партизанской тропкой,
Я поняла навек, что мы должны
Быть добрыми к любой травинке робкой.

Я родом не из детства – из войны.
И, может, потому незащищенной:
Сердца фронтовиков обожжены,
А у тебя – шершавые ладони.

Я родом не из детства – из войны.
Прости меня – в том нет моей вины...

1943 (?)

⁶ Погиб в авиакатастрофе, возвращаясь в Москву с фронта.

Александр Межиров (1923–2009)

Музыка

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая пограла.

Какая музыка во всем,
Всем и для всех – не по ранжиру.
Осилим... Выстоим... Спасем...
Ах, не до жиру – быть бы живу...

Солдатам голову кружа,
Трехрядка под накатом бревен
Была нужней для блиндажа,
Чем для Германии Бетховен.

И через всю страну струна
Натянутая трепетала,
Когда проклятая война
И души и тела топтала.

Стенали яростно, навзрыд,
Одной-единой страсти ради
На полустанке – инвалид,
И Шостакович – в Ленинграде.

1943 (?)

Сергей Орлов (1921–1977)

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей земля –
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

1944

Николай Тихонов (1896–1979)*Надписи на стенах Рейхстага*

Еще горячкой боя сердце билось,
А в мир уже вступила тишина,
Как будто время здесь остановилось,
Не веря вдруг, что кончилась война.
Под арками обугленного свода,
В какой-то первозданной тишине,
Солдаты величайшего похода
Расписывались прямо на стене.
Рейхстагова развалина дышала
Всем перегаром битвы мировой,
И в ней звучнее всякого хора
Пел хор имен, растущих, как прибой.
Он пел, взлетая над огнем и кровью,
Перед войны поверженной лицом,
Как будто осеня изголовье
Последних умирающих бойцов.
Открыто все свое писали имя,
Чтоб знали люди будущих времен,
Что подвиг сей, свершенный всеми ими,
Во имя человечества свершен!

[1945]

Арсений Тарковский (1907–1989)*Суббота, 21 июня*

Пусть роют щели хоть под воскресенье.
В моих руках надежда на спасенье.

Как я хотел вернуться в до-войны,
Предупредить, кого убить должны.

Мне вон тому сказать необходимо:
«Иди сюда, и смерть промчится мимо».

Я знаю час, когда начнут войну,
Кто выживет, и кто умрет в плену,

И кто из нас окажется героем,
И кто расстрелян будет перед строем,

И сам я видел вражеских солдат,
Уже заполонивших Сталинград,

И видел я, как русская пехота
Штурмует Бранденбургские ворота.

Что до врага, то все известно мне,
Как ни одной разведке на войне.

Я говорю – не слушают, не слышат,
Несут цветы, субботним ветром дышат,

Уходят, пропусков не выдают,
В домашний возвращаются уют.

И я уже не помню сам, откуда
Пришел сюда и что случилось чудо.

Я все забыл. В окне еще светло,
И накрест не заклеено стекло.

1945

Маргарита Алигер (1915–1992)*Утро мира*

Три с лишком. Почти что четыре.
По-нашему вышло. Отбой.
Победа – хозяйка на пире.
Так вот ты какая собой!

Так вот ты какая! А мы-то
представить тебя не могли.
Дождем, как слезами, омыто
победное утро земли.

Победа! Не мраморной девой,
взвивающей мраморный стяг, –
начав, как положено, с левой
к походам приученный шаг,

по теплой дождливой погодке,
под музыку труб и сердец,
в шинели, ремнях и пилотке,
как в отпуск идущий боец,

Победа идет по дороге
в сиянии майского дня,
и люди на каждом пороге
встречают ее, как родня.

Выходят к бойцу молодому:
– Испей хоть водицы глоток.
А парень смеется: – До дому! –
и машет рукой на восток.

1945

Михаил Исаковский (1900–1973)

* * *

Враги сожгли родную хату,
Сгубили всю его семью.
Куда ж теперь идти солдату,
Кому нести печаль свою?

Пошел солдат в глубоком горе
На перекресток двух дорог,
Нашел солдат в широком поле
Травой заросший бугорок.

Стоит солдат – и словно комья
Застряли в горле у него.
Сказал солдат: «Встречай, Прасковья,
Героя – мужа своего.

Готовь для гостя угощенье,
Накрой в избе широкий стол, –
Свой день, свой праздник возвращенья
К тебе я праздновать пришел...»

Никто солдату не ответил,
Никто его не повстречал,
И только теплый летний ветер
Траву могильную качал.

Вздыхнул солдат, ремень поправил,
Раскрыл мешок походный свой,
Бутылку горькую поставил
На серый камень гробовой.

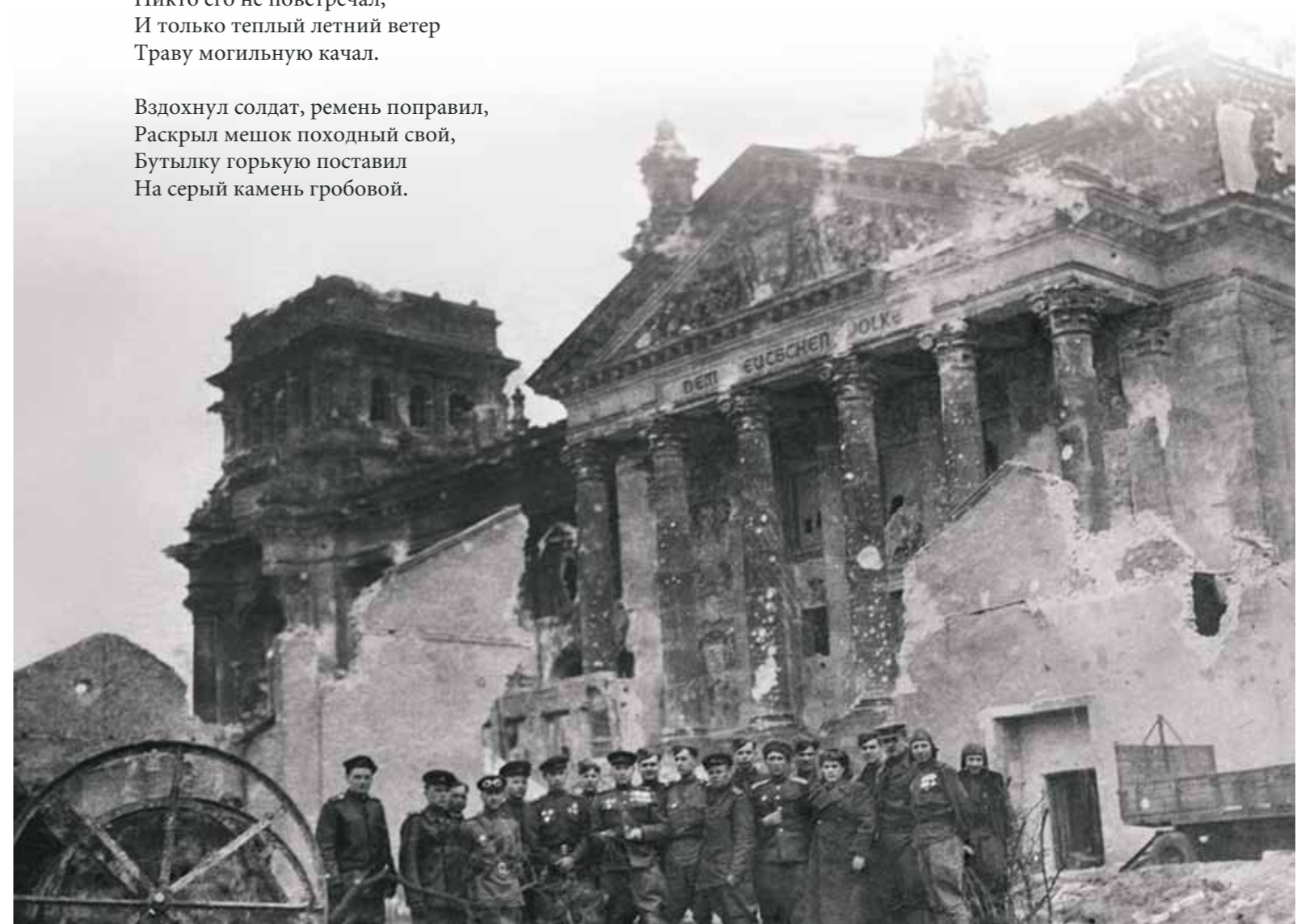
«Не осуждай меня, Прасковья,
Что я пришел к тебе такой:
Хотел я выпить за здоровье,
А должен пить за упокой.

Сойдутся вновь друзья, подружки,
Но не сойтись навеки нам...»
И пил солдат из медной кружки
Вино с печалью полам.

Он пил – солдат, слуга народа, –
И с болью в сердце говорил:
«Я шел к тебе четыре года,
Я три державы покорил...»

Хмелел солдат, слеза катилась,
Слеза несбывшихся надежд,
И на груди его светилась
Медаль за город Будапешт.

1945

Евгений Винокуров (1925–1993)*Гамлет*

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирали.

А в жизни, помню, отзывался ротный
О нем как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощекий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.

Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо, руки скорбно сложит, но
Лишь только «быть или не быть?» воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.

Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис входивших в светлый круг,—
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвят слово – все притихнет вдруг,

Сердца замрут, и задрожат бинокли...
У тех – и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы и мокли
И запросто сидели у костра.

1947

Александр Твардовский (1910–1971)

* * *

В тот день, когда окончилась война
И все стволы палили в счет салюта,
В тот час на торжестве была одна
Особая для наших душ минута.

В конце пути, в далекой стороне,
Под гром пальбы прощались мы впервые
Со всеми, что погибли на войне,
Как с мертвыми прощаются живые.

<...>
Внушала нам стволов ревущих сталь,
Что нам уже не числиться в потерях.
И, кроясь дымкой, он уходит вдаль,
Заполненный товарищами берег.

И, чуя там сквозь толщу дней и лет,
Как нас уносят этих залпов волны,
Они рукой махнуть не смеют вслед,
Не смеют слова вымолвить. Безмолвны.

<...>
Простились мы.
И смолкнул гул пальбы,
И время шло. И с той поры над ними
Березы, вербы, клены и дубы
В который раз листву свою сменили.

Но вновь и вновь появится листва,
И наши дети вырастут и внуки,
А гром пальбы в любые торжества
Напомнит нам о той большой разлуке.

И не за тем, что уговор храним,
Что память полагается такая,
И не за тем, нет, не за тем одним,
Что ветры войн шумят не утихая.

И нам уроки мужества даны
В бессмертье тех, что стали горсткой пыли.
Нет, даже если б жертвы той войны
Последними на этом свете были, –

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчасти?

И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов у смертного порога,

В себе самих не угадать себе
Их одобренья или их упрека!

Что ж, мы трава? Что ж, и они трава?
Нет. Не избыть нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.

<...>
Я ваш, друзья, – и я у вас в долгу,
Как у живых, – я так же вам обязан.
И если я, по слабости, солгу,
Вступлю в тот след, который мне заказан,

Скажу слова, что нету веры в них,
То, не успев их выдать повсеместно,
Еще не зная отклика живых, –
Я ваш укор услышу бессловесный.

Суда живых не меньше павших суд.
И пусть в душе до дней моих скончанья
Живет, гремит торжественный салют
Победы и великого прощанья.

1948

Михаил Луконин (1918–1976)*Напоминание (отрывок)*

Самый светлый,
Самый летний день в году,
самый больший день Земли –
двадцать второго.
Спали дети,
зрели яблоки в саду.
Вспоминаем,
вспоминаем это снова.
В Сталинграде Волга тихая плыла
и баюкала прохладой переплеска.
С увольнительной в кармашке
дня ждала
пограничная пехота возле Бреста.
Спал Матросов.
Спал Гастелло в тишине.
На рыбалку Павлов шел тропой недолгой.
В Сталинграде мать письмо писала мне
и звала меня домой,
манила Волгой.
Талалихин по Тверскому шел в ту ночь,
у Никитских попрощался –
ночи мало –
с той, которой я ничем не мог помочь
в день,

когда она на улице рыдала.
Вспоминаем эту ночь и в этот час
взрыв,
что солнце погасил в кромешном гуле,
сквозь повязки неумелые сочась,
кровь народа заалела в том июне.
<...>

Нам бы только этот май и вспоминать,
но июнь еще стоит перед глазами,
если жало начинают поднимать
и охрипшими пророчить голосами.
Мы не просто вспоминаем
день войны,
не для слез и мемуаров вспоминаем.
Люди мира вспоминать о нем должны.
Мы об этом
всей Земле напоминаем.

1955

Булат Окуджава (1924–1997)

* * *

Не вели, старшина, чтоб была тишина.
Старшине не все подчиняется.
Эту грустную песню
придумала война...
Через час штыковой начинается.

Земля моя, жизнь моя, свет мой в окне...
На горе врагу улыбнусь я в огне.
Я буду улыбаться, черт меня возьми,
в самом пекле рукопашной возни.

Пусть хоть жизнь свою укорачивая,
я пойду напрямик
в пулеметное поколачиванье,
в предсмертный крик.

А если, на шаг всего опередив,
достанет меня пуля какая-нибудь,
сложите мои кулаки на груди
и улыбку мою положите на грудь.

Чтоб видели враги мои и знали бы впредь,
как счастлив я за землю мою умереть!

...А пока в атаку не сигналила медь,
не мешай, старшина, эту песню допеть.
Пусть хоть что судьбой напророчится:
хоть славная смерть,
хоть геройская смерть –
умирать все равно, брат, не хочется.

1958

Юрий Левитанский (1922–1996)

* * *

Ну что с того, что я там был.
Я был давно. Я все забыл.
Не помню дней. Не помню дат.
Ни тех форсированных рек.

(Я неопознанный солдат.
Я рядовой. Я имярек.
Я меткой пули недолет.
Я лед кровавый в январе.
Я прочно впаян в этот лед –
я в нем, как мушка в янтаре.)

Но что с того, что я там был.
Я все избыл. Я все забыл.
Не помню дат. Не помню дней.
Названий вспомнить не могу.

(Я топот загнанных коней.
Я хриплый окрик на бегу.
Я миг непрожитого дня.
Я бой на дальнем рубеже.
Я пламя Вечного огня
и пламя гильзы в блиндаже.)

Но что с того, что я там был,
в том грозном быть или не быть.
Я это все почти забыл.
Я это все хочу забыть.
Я не участвую в войне –
она участвует во мне.
И отблеск Вечного огня
дрожит на скулах у меня.

(Уже меня не исключить
из этих лет, из той войны.
Уже меня не излечить
от той зимы, от тех снегов.
И с той землей, и с той зимой
уже меня не разлучить,
до тех снегов, где вам уже
моих следов не различить.)

Но что с того, что я там был!..

Давид Самойлов (1920–1990)**Сороковые**

Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

Гулят накатанные рельсы.
Просторно. Холодно. Высоко.
И погорельцы, погорельцы
Кочуют с запада к востоку...

А это я на полустанке
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная,
А вырезанная из банки.

Да, это я на белом свете,
Худой, веселый и задорный.
И у меня табак в кисете,
И у меня мундштук наборный.

И я с девчонкой балагурю,
И больше нужного хромаю,
И пайку надвое ломаю,
И все на свете понимаю.

Как это было! Как совпало –
Война, беда, мечта и юность!
И это все в меня запало
И лишь потом во мне очнулось!..

Сороковые, роковые,
Свинцовые, пороховые...
Война гуляет по России,
А мы такие молодые!

1961

**Константин Ваншенкин
(Род. 1925)****Весной сорок пятого**

Мелькали дома и опушки,
Дымился туман над водой.
И мылся в гремящей теплушке
Чуть свет лейтенант молодой.
Он ждать не хотел остановки,
Входя в ослепительный день.
А сзади его для страховки
Держали за брючный ремень.
Стоял он в летящем вагоне,
Судьбу принимая свою,
И лили ему на ладони
Воды неудобной струю.
В разбитом очнувшемся мире,
Мечтавшем забыть про беду,
Уже километра четыре
Он мылся на полном ходу.
Смеющийся, голый по пояс,
Над самым проемом дверей.
И яростно нес его поезд
В пространство – скорей и скорей!
Пред странами всеми, чтоплыли
В предчувствии мирной страды,
Военного пота и пыли
Усердно смывал он следы –
Весной сорок пятого года,
Своею удачей храним...
Солдаты стрелкового взвода,
Как в раме, стояли за ним.

1969

Вадим Шефнер (1914/15–2002)**Военные сны**

Нам снится не то, что хочется нам, –
Нам снится то, что хочется снам.
На нас до сих пор военные сны,
Как пулеметы, наведены.

И снятся пожары тем, кто ослеп,
И сытому снится блокадный хлеб.
И те, от кого мы вестей не ждем,
Во сне к нам запросто входят в дом.

Входят друзья предвоенных лет,
Не зная, что их на свете нет.

И снаряд, от которого случай спас,
Осколком во сне настигает нас.

И, вздрогнув, мы долго лежим во мгле, –
Меж явью и сном, на ничьей земле,
И дышится трудно, и ночь длинна...
Камнем на сердце лежит война.

1966

Расул Гамзатов (1923–2003)**Журавли**

Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю эту полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.

Они до сей поры с времен тех дальних
Летят и подают нам голоса.
Не потому ль так часто и печально
Мы замолкаем, глядя в небеса?

Сегодня, предвечернею порою,
Я вижу, как в тумане журавли
Летят своим определенным строем,
Как по полям людьми они брели.

Они летят, свершают путь свой длинный
И выкликают чьи-то имена.
Не потому ли с кличем журавлиным
От века речь аварская сходна?

Летит, летит по небу клин усталый –
Летит в тумане на исходе дня,
И в том строю есть промежуток малый –
Быть может, это место для меня!

Настанет день, и с журавлиной стаей
Я поплыву в такой же сизой мгле,
Из-под небес по-птичьи окликаю
Всех вас, кого оставил на земле.

(Перевод с аварского Наума Гребнева)